

стихах 3—10 — о событии крещения (см., например, слова стиха 6: ветхий наш человек распят с Ним), не означает ни психического переживания, ни естественного превращения, ибо в стихах 11—13 добавлено в императиве: «Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем». «Почитать себя» означает — смотреть на себя как бы очами Божиими, придавая значение Божему, т. е. верить. Индикатив — мы сораспяти через крещение — имеет поэтому в основе тот же смысл, что и индикатив 2 Кор. 5, 18: Бог примирил мир, человечество, еще до того, как оно узнало об этом из миссионерской проповеди, примирил с Собою через смерть Иисуса. Оба раза свидетельствуется то, что содеяно Богом. С исторической точки зрения, крещение — точно так же, как и крест — является двузначным человеческим делом. То, что в этом двузначном человеческом акте свершено Богом, можно лишь проповедовать и признавать. Однако императив призывает нас к тому, чтобы мы через веру делали это эффективным для нас и внутри нас. Когда Павел говорит о спасительном деянии Божиим в индикативе и императиве, то это выражение того, что Бог через Христа привлекает к вере сокровенно, без внешнего прояснения. Это — выражение *theologiae crucis* (богословия креста).

Общий смысл высказывания в Рим. 6, 1—13 становится ясным, когда мы зададим попутный вопрос: применима ли эта проповедь крещения к людям, которых крестит в детском возрасте? Павел, несомненно, предполагает, что, как правило, римские христиане принимают крещение в обстановке нормальной миссионерской деятельности на основании их исповедания. Однако он не ставит проповедь о крещении в зависимость от состояния, в котором принимается крещение; она вполне применима и для крещения детей. Этим узаконивается крещение детей.

То, что эта проповедь относится вообще ко всем крещеным, видно из того, каким образом она жизнь со Христом, новую жизнь, которой мы желаем, связывает с совместной с Ним смертью. Павел никогда не говорит: вы в крещении умерли с Ним и с Ним воскресли. Жизнь с Ним вытекает из совместной с Ним смерти в трех аспектах: 1) Для надежды — это эсхатологическое будущее; Рим. 6, 5 и 8 гласит: «Если же мы умерли со Христом, то веруем (собственно, надеемся), что и жить будем с Ним». 2) Для веры — это настоящее; Рим. 6, 11: «Почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога!» А поэтому 3) это — призыв к послушанию с верой, к выявлению любви; Рим. 6, 4: «Мы погреблись с Ним, дабы... и нам ходить в обновленной жизни». «Ходить в обновленной жизни» означает то же, что жить во Христе, т. е. проникаться Им. Новая жизнь не есть естественное или этическое состояние, а подобно праведности — новая, обуславливающая человека действительность, которую Бог проявил в воскресении Иисуса; параллельные к нашему месту рассуждения в Рим. 8, 1—14 называют эту действительность Святым Духом или живым Христом. В ней-то и ходим мы, поскольку через веру допускаем ей определять нашу жизнь.

В Послании к Римлянам (6, 6—10 и 6, 12) Павел поясняет, как практически выглядит новое отношение в нашем человеческом бытии. Собственное «я», которое живет и будет жить во Христе, это «я» веры. Согласно стиху 6, ему противостоит «я» человека от Адама; оно судится крестом Христовым, погребается с Ним в крещении, но, пока мы живем во плоти, никогда не преходит; мы должны постоянно помнить о его сораспятии с Ним. Как в дальнейшем поясняет Послание к Галатам (5, 16—24), новая жизнь всегда протекает только как борьба духа, который является носителем нового «я», и пользуется им против плоти. Новое «я» может существовать только тогда, когда оно сохраняется словом благовествования и присущим этому слову Духом. Слово Послания к Римлянам (6, 1—13), проповедь делания Божия в смерти и воскресении Христа, которое охватило и нас в крещении, — вот насыщенный хлеб, сохраняющий жизнь этому «я» и обеспечивающий то непредставимое, что предлагается в конце нашего отрывка в стихе 12, а именно, что новое «я» берет для служения члены ветхого человека, его уста и руки: «Не предавайте членов ваших греху в орудия неправды, но представьте себя Богу, как оживших из мертвых, и члены ваши Богу в орудия праведности».

МИХАИЛ,
архиепископ Воронежский и Липецкий

ДУХОВНОСТЬ ПРАВОСЛАВИЯ В ВЫДАЮЩИХСЯ ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ

Духовная жизнь православного христианина основывается на идеалах, хранимых Церковью. Эти идеалы начертаны в Божиих заповедях, в книгах Священного Писания и находят свое осуществление в жизни тех людей, которые посвятили себя всецело исполнению Божией воли в творении заповедей Господних и в стремлении к христианскому совершенству. Многие из числа верных исполнителей заповедей Христовых и искателей путей, ведущих к совершенству, оставили в наследие Церкви огромное богатство своего духовного опыта в виде разного рода письменных сочинений — от глубокомысленных исследований, сочетающих в себе глубины богословия

с философскими прозрениями, до кратких афоризмов и писем, в которых даются ответы на трепетные вопросы человеческих душ, жаждущих Божия света. Другие из числа верных последователей Христова учения ничего не писали, но их жизнь и их христианский подвиг являются, в свою очередь, реальным свидетельством Божией благодати, живущей и действующей в душах человеческих в самых разнообразных обстоятельствах.

Для Русской Православной Церкви наиболее ярким и, если можно так выразиться, наиболее показательным для ее духовной жизни является образ духовного старца — наставника и руководителя душ человеческих на путях, ведущих к вечной жизни. Значение духоносного старчества, связывающего наставника-старца и его послушников-учеников неразрывными узами духовного единения, трудно переоценить. А подвиг старчества — духовного руководства и окормления человеческих душ — явился лучшим украшением многих деятелей Православной Церкви, в том числе и тех, имена которых в общепринятых оценках не всегда ассоциируются с представлением о старчестве.

Старчество явилось на Руси уже в первых веках ее христианской истории как естественное и вместе с тем харизматическое обнаружение истинной христианской заботы о спасении ближних со стороны тех исполнителей Божих заповедей, которые уже преуспели на путях духовного развития. Эта их отеческая забота о младших братьях и сестрах по духу была в то же время исполнением надежды великого множества людей, «плавающих в молве житейских попечений» и ждущих указаний и руководства лиц, умудренных духовным опытом, озаренных Божиим светом и стяжавших дары Божественной благодати. В таких именно условиях и складывались отношения между старцами и их учениками во все прошедшие века. Служение старцев и сила их духовного воздействия на их современников и потомков, как и многие другие проявления церковной жизни, имели свои периоды подъема и упадка. Были даже такие периоды, когда старческое делание, его значение и цели приходили в полное забвение. Известны и такие случаи, когда старчество лодвергалось гонению и преследованию со стороны отдельных представителей церковной иерархии. Но эти грустные явления были лишь исключением; общее развитие истории духовной жизни в нашей Церкви характеризуется постепенным увеличением и расширением авторитета старцев.

Если первоначальной сферой действия духовных руководителей — старцев (которые в большинстве своем были отшельниками и монахами) являлся монастырь и монастырское братство, то в дальнейшем развитии своем старчество оказало огромное влияние на людей, живущих вне монастырских стен, на все слои общества. Монахи-старцы, основатели новых обителей и новых монашеских общин, делились усвоенными ими духовными сокровищами и с мирскими людьми, приобщая их к истинному христианству, способствуя воцерковлению общества, остававшегося долгое время после крещения Руси в плену язычества и двоеверия. Таким именно способом под действием Церкви, — и в первую очередь под воздействием старцев, — начиная уже с XIV в., происходило значительное смягчение нравов. Многие монастыри, в которых в числе руководителей и насельников были богопросвещенные старцы, становились центрами духовного воспитания и руководства с весьма широким радиусом действия. Через старческое окормление и руководство христианское общество воспринимало и усваивало духовные богатства, содержащиеся в писаниях великих богословов Вселенской Церкви и в творениях писателей-аскетов, авторов «Добротолюбия».

У истоков старчества на Руси стоит, в числе других, имя преподобного Нила Сорского († 1508) — проповедника умной молитвы, внутреннего духовного делания и нестяжательности. Дело преп. Нила продолжали Заволжские старцы и их исследователи. Старческое окормление, объемлющее и монахов, и мирян, мало-помалу становилось все более распространенным проявлением народной религиозной жизни.

Народность, стремление к евангельской простоте и к доступности духовных наставлений для людей, стоящих на самых различных ступенях интеллектуального и психологического развития, — такова тенденция развития старчества. Богооткровенные истины веры христианской, глубокие психологические наблюдения, деятельный опыт духовной жизни — всё это сливается в наставлениях богопросвещенных старцев в цельный и радостный синтез, поднимающий души слушателей, учеников и послушников их над повседневностью и над греховными искушениями.

Величайшую славу именно такого народного учителя благочестия стяжал св. Тихон Задонский († 1783). Не вдаваясь в тонкости богословствования и философии, он согрел своим наставлениями людские сердца. Его сочинения стали источником вдохновения для многих других старцев, для бесчисленного множества любителей духовной жизни — не только православных, но и представителей других христианских вероисповеданий. Главная задача его жизни и его трудов — научить людей, носящих имя христиан, тому, что такое истинное христианство, а также тому, как христианам надлежит следовать за Христом и подражать Ему. На путях подражания Христу, по учению св. Тихона Задонского, нет места никаким проявлениям фантазии, никакому разгорячению чувств; подражать Христу можно только после очищения души и сердца от греха, только в кротости и смирении, только в послушании Божиим заповедям. Св. Тихон так учит об этом: «В христианах, которые благодатию Божиею и верою о Христе Иисусе сделались сынами Божиими и образ Божий в себе имеют, должны быть богоподобные нравы и воля, насколько это возможно в нынешнем веке,

согласная с волею Божией... Святое Божие слово, как чистое зеркало, показывает, каким должен быть образ Божий в человеке, возрожденном водою и духом, и в чем он заключается... Писание Святое, как Божественное правило, представляет нам, от чего мы должны уклоняться и что должны творить, когда хотим подражать Небесному Отцу. Оно научает нас уклоняться от зла и творить благое, чтобы именно так мы могли следовать Богу, Творцу и Отцу нашему... Когда Святое Писание учит нас Богу подражать, то учит не миры создавать, не мертвых воскрешать, не по водам ходить и прочие чудеса творить, ибо это есть дело единого Его всемогущества... Но когда Святое Писание велит быть нам подражателями Божиими, то представляет нам к подражанию Его благость, милосердие, щедроты, правду, истину, святость, долготерпение, чтобы мы, взирая на эти Его Божественные свойства, и сами учились делать то, что Он делает».

Насытившись духовным богатством, содержащимся в отеческих и аскетических наставлениях минувших веков, св. Тихон учил всех своих слушателей и читателей тому, чему научился сам, передавал накопленные им благодатные сокровища, как любвеобильный отец своим детям. С особой выразительностью он напоминал христианам о значении и силе Божия слова, о Священном Писании. «Писание Святое,— говорит св. Тихон,— пророками и апостолами нам преданное, есть истинное Божие слово, которым Отец Небесный к нам недостойным благоутробно беседует... Поэтому кто слову Божию не внимает, тот не человеку не внимает, но Самому Богу». По учению св. Тихона, Божие слово вместе с молитвой является основой живой веры. «Слово Божие научает, обличает, исправляет, наказует, утешает. Молитва просвещает, вразумляет, помогает и содержит в христианском делании. И как светильник требует елея, чтобы не погаснуть, так вера, душ наших светильник, всегда требует слышания, поучения, размышления, слова Божия и благодати, чтобы не угаснуть».

Предметом постоянной заботы св. Тихона было исправление грехов, пороков и всякого рода извращений, проникавших в христианское общество и способствовавших распространению заразы лжехристианства. Ревнуя о чистоте христианской веры и жизни, он писал: «Да не прельщает тебя, о христианин, имя христианское без жития христианского. Ибо ложное есть христианство без дел христианских». Исполнив жизнью своей все то, о чем учил, св. Тихон приобрел величайший авторитет и стал духовным наставником других замечательных руководителей и учителей благочестия.

Духом отеческих наставлений святителя Тихона запечатлены многие странницы творений его благоговейных почитателей и продолжателей его пастырского дела — епископа Игнатия (Брянчанинова) († 1867), епископа Феофана Затворника († 1894), оптинских старцев Макария († 1860) и Амвросия († 1891) и многих других.

Развитие старчества отмечено яркими проявлениями задушевной искренности и сердечной теплоты в отношениях между старцем и его учениками и посетителями. Преподобный Серафим Саровский († 1833) обращался к приходившим к нему со словами: «Радость моя». «Всего более усладительна была его беседа... Речь его была столь действительна, что слушатель получал от нее душевную пользу. Беседы его были исполнены духом смирения, согревали сердца, снимали с очей как бы некоторую завесу, озаряли умы собеседников светом духовного собеседования, приводили их в чувство раскаяния и возбуждали решительную перемену к лучшему, невольно покоряли себе волю и сердце других, разливали мир и тишину... Особенным свойством обхождения старца и бесед были любовь и смиренномудрие. Кто бы ни был приходивший к нему — бедняк ли в рубище, или богат в светлой одежде,— с какими бы кто ни приходил нуждами, в каком бы греховном состоянии ни находилась его совесть, он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже не у посвященных людей. Никого не поражал он жестокими укороениями и строгими выговорами: ни на кого не возлагал тяжкого бремени, сам неся крест Христов со всеми скорбями. Говорил он иным и обличения, но кротко, растворяя слово свое смирением и любовью. Старался возбудить голос совести советами, указывал пути спасения и часто так, что слушатель его на первый раз и не понимал, что дело идет о душе его... Для всех довольно было живой воды, текущей из уст прежнего молчальника, смиренного и убогого старца. Ежедневно, особенно в последние десять лет его жизни, к нему стекалось множество народу. Все ошущали его благоприветливую, истинно родственную любовь и ее силу, и потоки слез иногда вырывались у таких людей, которые имели твердое и окаменелое сердце... Имя Серафима обносилось всюду, как имя одного из великих древних подвижников. В лице его для нашего скудного добродетелями и маловерного века как будто воскрес древний подвижник пустынь Фиваидских или пещер Киевских. И знатные, и простые, и богатые, и нищие — все стекались к порогу его келии, падали ниц пред согбенным старцем, одетым в бедный балахон, открывали тайны своей совести, поверяли свои скорби и нужды и принимали с искреннею любовью и благодарностию каждое его слово, согретое благодатию»¹.

Людей, поручивших себя любви и заботам старца, объединяет с ним любовь, делающая их членами духовной семьи. Послушники и ученики старца — его дети, а старец — их любвеобильный отец, считающий своей важнейшей обязанностью за-

¹ Из жития преп. Серафима Саровского.

боту о духовном возрастании своих детей. Таким образом, старчество является осуществлением и продолжением заветов древней Церкви, ее учителей и отцов¹. Гармония настроений старца и его учеников, любовь, объединяющая их в одну семью, духовная дружба — вот тот практический идеал, осуществление которого было постоянной заботой старцев, видевших перед собой великую цель, указанную Господом Иисусом Христом в Евангелии: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35).

В духовной семье, руководимой и направляемой старцем, все заботы и занятия подчинены выполнению главной задачи — служению Богу. «Главным и существенным занятием нашим да будет служение Богу, стремление усвоиться Ему. Служение Богу заключается в непрестанном памятовании Бога и Его велений, в исполнении этих велений всем поведением своим, видимым и невидимым» (епископ Игнатий (Брянчанинов)). Для успеха в этом делании духоносные старцы постоянно призывают своих учеников к следованию за Христом и к полной искренности души. «Вообрази, что Господь Иисус Христос ходит по земле со всею Своею простою человеческою и Евангельскою, — наставляя оптинский старец Леонид († 1841) одного из своих учеников. — Если бы ты был, как апостолы, простосердечен, то не скрывал бы своих человеческих недостатков, не притворял бы себе особенного благоговения, ходил бы не лицемерствуя. Этот путь, хотя как будто легкий, но не всем дается, не всем понятен. А этот путь ближайший ко спасению и привлекает благодать Божию. Непритворство, нековарство, откровенность души — вот что приятно смиренному сердцем Господу».

Постоянная забота старца, главное содержание его жизни — это пламенная любовь к Богу и к людям и желание сообщить эту любовь тем, кто еще не вкусил ее сладости. Приобщение душ человеческих к Божественной любви — самый драгоценный дар Святого Духа. «Когда душа познает любовь Божию Духом Святым, тогда она ясно чувствует, что Господь — нам Отец, самый родной, самый близкий, самый дорогой, самый лучший, и нет большего счастья, как любить Бога всем умом и сердцем, всей душой, как заповедал Господь, и ближнего, как самого себя. И когда эта любовь есть в душе, тогда все радуется душе, а когда она теряется, то человек не обретает покоя, и смущается, и обвиняет других в том, что будто они его обидели, и не понимает, что сам виноват — потерял любовь к Богу и осудил или возненавидел брата» (Старец Силуан, † 1938 г.).

Бог призывает всех людей к Себе. Но не все отзываются на Его призыв. А те, которые отзываются, весьма серьезно, иногда даже сурово, испытываются Богом. Степень серьезности испытания всегда бывает соразмерна со степенью верности человека Богу и преданности Его заповедям. Но не всегда и не сразу человек понимает это. И здесь, больше чем где бы то ни было, драгоценно и необходимо старческое руководство. Именно в данном вопросе скрещиваются все нити, позволяющие проверить самим делом действенность и жизненность старчества.

Православные люди, имевшие и имеющие опыт личного общения с богоумудренными старцами или пользующиеся их письменными наставлениями, всегда видели и видят в них истинных пастырей, продолжателей дела великого Пастыреначальника — Господа Иисуса Христа.

Архимандрит АГАФАНГЕЛ (Саввин) (Одесса)

ДУХОВНОСТЬ ПРАВОСЛАВИЯ В ВЫДАЮЩИХСЯ ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ

Святая Православная Церковь последовательно раскрывала и раскрывает истины православного вероучения, принесенные в наш мир Божественным Учителем — Господом Иисусом Христом. В деле осмысливания и раскрытия этих истин велик и особенно ценен вклад, внесенный выдающимися представителями Православия. Они не только глубоко раскрыли смысл и сущность христианского вероучения, но и сумели в своей жизни приблизиться к осуществлению заповеданного Иисусом Христом высочайшего нравственного идеала: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48), и потому достойно увенчаны званием отцов и учителей Церкви. Именно в их трудах и в их жизни мы находим те драгоценные жемчужины «премудрости Божией», которые помогают нам осознать и осмыслить духовность Православия.

Понятие «духовность» (греч. τὴ πνευματικὰ) происходит от греческого существительного τὸ πνεῦμα, отражающего понятия: дыхание жизни, дух, духовное начало;

¹ «Лучшие и яснее усвоившие истину, как избавившиеся от плотских похотей чрез совершенное очищение и веру, делают Церковь и помощницею Христа, как бы девою, по словам Апостола, соединяясь с Ним и увещиваясь Ему, чтобы, приняв чистое и плодотворное семя учения, с пользою содействовать проповеди для спасения других. А несовершенные и еще начинающие спасительное учение возрастают и образуются, как бы в материнском чреве, от более совершенных, пока они, достигнув зрелости возрождения, приобретут величие и красоту добродетели, и потом по преуспешии сами, сделавшись Церковью, будут содействовать рождению и воспитанию других детей, во вместиле души, как бы в утробе, непреложно осуществляя волю Слова» (св. Мефодий Олимпиский. «Пир десяти дев», 3, 8).